Текст · 28 августа 2019, 08:51
Александр Бородихин,

«Кто-то написал этот злой сценарий». Родители фигурантов «московского дела» — о своих сыновьях

Родители обвиняемых по «московскому делу» говорят с «Медиазоной» о воспитании сыновей, обысках, СИЗО, собаках, «Хоббите», умном голосовании и возможности перемен в России.

Наталья Конон, мать Даниила Конона

22-летний студент МГТУ имени Баумана и сборщик подписей за выдвижение Ивана Жданова обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК) без конкретизации вменяемых действий. Вину не признает.

Наталья Конон. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

У меня два высших образования: одно зооинженерное, второе педагогическое. У мужа — среднее техническое. В свое время он работал в Москве в милиции — сначала в транспортной в метро, а затем в первом взводе, который в свое время собирали для обеспечения [безопасности] футбольных спортивных мероприятий. И когда его стали использовать в политических целях, тогда он ушел из милиции. Это

было еще до нашей встречи, до рождения Даниила — он старше меня на 11 лет. Я в то время еще занималась учебой. [В 1990-х], когда появилось это слово там — демократия, все остальное прочее, он сказал своим коллегам: «Скоро нам выдадут дубинки на постоянку». Что, в принципе, у них в свое время и случилось.

У нас многодетная семья: Даня старший, трое детей — 22, 20 и 17 лет. В настоящее время я работаю по своей специальности: я кинолог, соучредитель клуба собаководства, владелец племенного питомника, занимаюсь собаками, дрессировкой. У нас в Москве квартира, питомник у нас в деревне в Тверской области. На данный момент собаки и муж там; дети уже давно перебрались, потому что они все учатся. Мы в свое время купили дом и увезли их в деревню, потому что я считала правильным растить детей вне мегаполиса: мы всех троих там вырастили. Даня [рос в деревне] до четвертого класса, когда он поступил в кадетский корпус — тот, который теперь первое президентское училище. Он отучился семь лет, закончил с золотой медалью. Когда он поступал, там был конкурс 40 человек на место, и, честно говоря, я надеялась, что он не поступит, потому что это было сложно для семьи — разрываться на два дома; но он поступил.

На 16 лет я ему подарила в рамочке послание Киплинга своему сыну— стихотворение, есть разные переводы.

Люди всегда судят других по себе, и оперируют с ними так же: если человек боится, он хочет и в другом вызвать страх. Но люди разные: есть люди, которые не

боятся от слова совсем. И Даня такой, и я, наверное, такая.

За эти две недели я поняла разницу между собой и Даней, между нашим поколением и вот этим поколением. Кто-то из нас боялся; я никогда не боялась, но никогда и не верила — а они верят. Вот это классно. У меня, получается, избирательный стаж 30 лет — я ни разу не ходила на выборы. В 18 лет я для себя четко решила, что это бессмысленно. И в принципе, наверное, это было неправильно, раз мы пришли к этой точке.

Отцу мы не говорили долгое время, и в первом письме Даня писал: «Не говорите пока бате». Он и не знал, у нас нет телевизора много лет, интернет я очень удачно забыла проплатить, а потом сделала вид, что забываю его проплатить — у нас модемный интернет. Потом пришлось — сначала у меня собака была на тренинге, а потом, когда собака уехала, пришлось сказать, что есть еще одна причина оставаться в Москве.

Когда Даня пошел собирать подписи за Жданова, я была категорически против, и папа был категорически против — но тогда он шел просто как на работу, он мог попасть в любой штаб. Ему свойственно умение организовывать, понятие, как это нужно делать, командная работа. Он даже не за подписи работал, чтобы побольше заработать — ему важен был результат команды на выходе. И когда они уже закончили работать, он уехал отдыхать с девушкой, тогда и началось вот это с подписями. И у меня была мысль, главное, чтобы не забраковали именно его подписи. И когда он вернулся, выяснилось, что

там больше 10 процентов именно его подписей, скрупулезно собранных. Он еще тогда говорил, что нужно, чтобы все было правильно, много общался с людьми, работал на кубах в две смены. Он проехал по всем этим людям, собрал с них еще один раз подтверждения, и когда не приняли это, сказали, что нет процедуры, и что люди замотивированы — конечно, это не может не вызвать у молодого человека определенные чувства.

Он вышел 27-го — мы не акцентировали, санкционированное это или несанкционированное-, **просто да, я знала, что он туда пойдет-**. И так получилось, мы в тот день ехали в центр, я встречалась с подругой [на Пушкинской]. Пушкинская для нас, для студентов [памятное место], там был в свое время первый «Макдональдс»: потом мы вышли оттуда и увидели все это светопреставление. Мы переписывались [с Даней], чтобы был аккуратней и так далее.

Когда в период до задержаний в прессе началось, что «молодняк выводят», у меня все время крутилось в голове: чтоб не «выводили молодняк», выходить должны взрослые. Но я категорически против каких-то больших потрясений, и нельзя довести до противостояний. Как ни парадоксально, это только изнутри, только через выборы. У [системы] сейчас нет выхода, она изменится либо так, либо эдак. Точка невозврата пройдена. Хотелось бы, чтобы это все было мирным путем, я очень надеюсь на благоразумие.

Есть прекрасная такая притча о собаке, которая лежит на гвоздях: собака лежит и скулит, все лежит и скулит, а люди проходят мимо; потом спрашивают у

владельцев, чего она скулит, а те отвечают: «Она на гвоздях лежит. Если она лежит, скулит, но не уходит, значит ей еще достаточно комфортно». Вот нам всем сейчас стало некомфортно, а куда пойдет собака с гвоздей — вопрос к хозяевам.

Ирина Жукова, мать Кирилла Жукова

28-летний Кирилл Жуков отслужил в Нацгвардии, он обвиняется в применении насилия к представителю власти (часть 1 статьи 318 УК) за то, что дотронулся до забрала полицейского шлема во время акции 27 июля. Расследование дела уже завершено; обвинения в участии в массовых беспорядках ему предъявлять не стали. Вину не признает.

Ирина Жукова. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

У нас есть родовая книга, Кирилл знает своих прадедов и прапрадедов. У нас в семьях воюющие деды, деды погибшие и пропавшие без вести на войне.

Мы с мужем прожили в браке 20 с лишним лет. У нас общих детей трое: старший сын, Кирилл, и сестра у него есть младшая. У мужа сейчас другая семья, там девочка недавно родилась. Отец — физик-ядерщик; насколько я понимаю, они делают тренажеры для обучения персонала атомных станций; он ликвидатор Чернобыльской аварии, имеет награду. Естественно, родители пытаются направить детей по своим стопам, и он всех своих детей пытался отправить

учиться в МИФИ — ни один там учиться не стал, отучились по году с небольшим и ушли. Старший ушел в туристический бизнес, а Кирилл пошел в академию Нестеровой на психолога — там ему тоже не понравилось, и он ушел служить. Служил под Питером, в Лебяжьем, во внутренних войсках, которые теперь Росгвардия. Пришел — и пошел работать в метро, выучился, три года отработал машинистом, а потом перешел на должность по связям с общественностью, решал вопросы по жалобам на машинистов, на метрополитен. Но и это тоже ему не понравилось.

Я человек общественный, мы меняли ТСЖ в доме, я ревизор в нашем доме. Очень долго не работала, на работу вышла поздно, когда уже дети все выросли и перестали во мне нуждаться. Сейчас работаю управляющим директором торгового центра, на работу по полтора часа езжу.

Играми он очень увлекается, ролевыми и неролевыми — и даже в СИЗО он попросил передать правила. Не вспомню, как они называются, но это не те ролевые игры, когда ролевики в лесу собираются и играют эльфов — хотя это тоже было, доспехи у нас до сих пор дома лежат — а настольная игра, когда собираются несколько игроков, и мастер придумывает историю, создает ситуацию. Мы распечатали 43 листа — с кем он только там играть будет, я не знаю.

Спорные вопросы мы с Кириллом обсуждали. Я честно скажу, мне Навальный не нравится. Мы с ним очень много разбирали его роликов, что, с его точки зрения, он так говорит, а с моей — не так. Единственный политический аспект, где мы сталкивались.

Я не против того, чтобы люди ходили на митинги, и даже не против, если они будут ходить на митинги несанкционированные, это право любого человека — выражать свое мнение. Я против любого насилия, потому что у нас очень напряженная ситуация — не только в стране, но и вообще в мире.

Я считаю, что физическая сила, дубинка дает эффект, но он очень кратковременный, идею дубинкой выбить невозможно.

Сколько я общалась с молодежью после ареста Кирилла — они меня сочли уже как свою, как мать героя — у них идея, они идейные. Они не просто за честные выборы, они видят, что в системе надо менять то, это; считают, что пока есть один больной ребенок, нельзя строить сады и парки, надо лечить людей, что сильный обязан заботиться о слабом. А государство не может в настоящий момент предложить нам никакой идеи — и возразить им мне нечего кроме того, что мне страшно, не надо так делать, это нехорошо, вас посадят. Но это не идея, это то же запугивание. Я считаю, что нашему государству нужна идея — хорошая, сильная, и если ее не родит государство, значит ее предложит народ. Мне бы хотелось, чтобы правительство в этом приняло активное участие и как-то договорилось бы.

Вот эта 212-я статья меня как гражданина очень напрягла. Да, 318-я — я согласна, есть факт, он там махнул рукой — специально он там стукнул или нет, это пусть решает суд, он взрослый человек, пусть сам доказывает, что он там делал. Это мне понятно. Но беспорядки в Москве мне непонятны: нет сожженных машин, нет разбитых стекол, ну ничего нету — вот это мне крайне неприятно. Либо некомпетентные органы ввели руководство в заблуждение, либо это было опять-таки специально сделано, чтобы продолжить конфликтную ситуацию. Меня этот митинг очень сильно озадачил, и если до 27-го числа я даже не знала, что у нас есть Московская дума, то теперь появился еще один политически озабоченный гражданин.

Уберегать детей от чего-то — это крайне глупо, детям нужно как можно больше рассказывать, что есть, и чем это может закончиться. Если бы я говорила: если увижу тебя с сигаретой, руки оторву — я бы просто не увидела [детей] с сигаретой.

Все живое вообще вынуждено меняться, не меняется только мертвое. Старое всегда защищается, конфликт отцов и детей заключается в том, что мы, основываясь на собственном жизненном опыте, отстаиваем свои жизненные принципы, потому что знаем, что они нам позволили выжить и прожить — и детям пытаемся их навязать как единственно правильные. Дети рождаются в другое время, у них другой взгляд, и это новое в споре со старым рождает какие-то изменения. Вопрос просто в степени кровавости, как эти изменения пройдут.

На митинг нужно было отвечать совершенно по-другому: если идет идеологическая война, то идеологией и надо было отвечать. У меня не хватило времени ознакомиться с работой ЦИКа, что у них положено, что не положено, но вот XXI век, информационный век: вот там злой Гудков сказал, что ЦИК еще злее, чем он, и не принял его хорошие бюллетени — какие проблемы? Открыть дополнительный ресурс, выложить туда номера этих бюллетеней, написать, почему они не приняты, выдать Гудкову копии, и пусть он идет с ними куда угодно. Но всех устраивало, очевидно, силовое решение.

Надежда Миняйло, мать Алексея Миняйло

34-летний волонтер штаба Любови Соболь. В день акции 27 июля сопровождал своего кандидата в Хамовнический суд, а на Трубную площадь поехал вечером и застал только финал акции. В знак солидарности с Соболь в июле объявлял голодовку, о прекращении которой сообщил 15 августа в суде. Обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК). Вину не признает.

Надежда Миняйло. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

Я работаю старшим научным сотрудником в Историческом музее, работаю с 1976 года после окончания аспирантуры. Мы с мужем оба

истфаковцы МГУ, и наш сын тоже закончил истфак МГУ.

Муж вынужден был пойти в систему МВД, в пожарную охрану, потому что у нас не было прописки так называемой — мы не могли жить и снимать квартиру в Москве, пока не было прописки. У меня папа военнослужащий, и последнее место моего жительства — это Батуми в Грузии, возвращаться туда было ни к чему, а муж с Украины, мы были театралами, поженились и хотели устроиться в Москве. Единственная возможность была — пойти в пожарную охрану МВД[1]. Муж дослужился в итоге до полковника. Когда он в 2001 году уволился в запас, он устроился на один из заводов переводчиком — у нас на истфаке была очень хорошая языковая подготовка.

Старшая дочь 1977 года рождения, а Алексей родился в 1985 году. В детстве ровесники звали его Профессором, потому что он очень любил энциклопедии листать — интересующийся парень был. Хотели отдать его на музыку вслед за дочерью, но первое занятие, на котором их мучали, заставляя рисовать скрипичный ключ, отбило у него охоту к музыке, о чем он потом жалел, потому что он играет на гитаре, у него неплохой голос, но вот не случилось. В первые годы учебы мы отдали его на шахматы — в Подольске была школа Гарри Каспарова, которую он содержал, и несколько лет он занимался в этой школе; потом у Каспарова начались сложности, там пошли какие-то сокращения, и нам сказали, что, может быть, вам стоит заняться чем-то другим. Стал заниматься большим теннисом, несколько лет ходил в школу.

Когда в школе во втором классе он стал заниматься французским языком, преподаватель Сергей Александрович стал для него учителем с большой буквы — они не просто занимались языком, но и разговаривали о жизни, читали вместе книги на французском. На него большое впечатление произвела книжка «Маленький принц» и личность Антуана де Сент-Экзюпери, и до сих пор его «Записки военного летчика» — это его настольная книга. А уже в юные годы он попал под обаяние Джона Толкина. Он прочитал все, этот мир стал ему близок, и он очень любит его до сих пор. У меня спрашивал с ужасом: «Мам, неужели ты не читала "Хоббита"?».

После окончания университета, хотя мы настаивали на том, чтобы он продолжил учебу в аспирантуре, он категорически отказался и, очень нас огорчив, пошел в военкомат. Прошел медкомиссию, но окулиста не смог пройти.

Мы пытались его уберечь от того самого, на что он и налетел сейчас, на подводный риф. Мы с мужем формировались в 1960-1980-е годы, когда сталинизм уже не торжествовал, но его отзвуки еще вовсю существовали. Поэтому мы заняли позицию конформизма. Наш сын, который формировался как личность в 1990-е годы, успел глотнуть воздух свободы. Он считал, что наша позиция прятать голову под крыло пагубна.

Когда он стал работать, он занялся социальным предпринимательством — хотя это предпринимательство условное. Он разрабатывал методики, которые помогали людям жить: участвовал в создании благотворительных программ,

которые облегчали трудным подросткам переход во взрослую жизнь, организовывал для них балы в Петербурге и Москве — Алексей такой человек, отзывчивый.

Да, он участвовал [в акциях протеста], но не конкретно в этом митинге, за который его арестовали-, потому что в это время сопровождал Соболь, у которой был тренером по сбору подписей и чувствовал свою ответственность, когда подписи признали недействительными — он обходил эти квартиры, спрашивал людей, они говорили, что подписывались в поддержку Соболь. Когда отказались регистрировать, он даже — что мы совсем не поддерживали и были резко против — присоединился к ее голодовке в тот же день.

Россия будет свободной.

Елена и Роман Подкопаевы, родители Ивана Подкопаева

25-летний техник задержан на акции 27 июля; следствие утверждает, что у него в рюкзаке нашли ножи, молоток и противогаз. Сначала обвинялся в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК), но в окончательном обвинении осталась только статья о применении насилия в отношении представителя власти (часть 1 статьи 318 УК): по версии следствия, он распылил газовый баллончик в сторону полицейских и нацгвардейцев. Дело уже передано в суд; обвиняемый попросил рассмотреть его в особом порядке. Роман Подкопаев подошел к самому концу разговора своей бывшей супруги с корреспондентом

«Медиазоны», поэтому его реплики даны отдельными комментариями.

Елена и Роман Подкопаевы. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

Иван родился в семье студентов, мы были тогда очень молодые: я только закончила институт, а папа [Ивана] еще учился. Я экономист по образованию, а папа — специалист по холодильной технике[2].

. Иван учился на машиниста тепловоза, но по зрению не смог осуществить свою мечту детства и поэтому мы работаем сейчас, где работает мама — в Государственной публичной научно-технической библиотеке. Он работает техником, я работала здесь шесть лет контрактным управляющим, а теперь в другой должности.

Если его кто-то привлекал, он этим не делился.

Он довольно-таки человек в своей скорлупе: всегда с семьей, домашний ребенок, но имеет свое собственное мнение.

До 15-16 лет он воспитывался только на примере его собственного отца. Потом все немного поменялось, мы с папой развелись, но мы постарались с папой сделать это очень мягко, и я никогда не препятствовала их общению. Каждые субботу-воскресенье вместе на даче и так далее.

Роман Подкопаев добавляет, что ставил сыну в пример «людей, которые создавали вещи своими руками» и в целом «людей советского периода», в частности, деда, который работал турбинистом на электростанции и был награжден орденом Ленина.

Я всегда хотела, чтобы все люди — в семье и вообще по жизни — умели договариваться друг с другом. Без насилия уметь выразить свои желания так, чтобы человек проникся этими желаниями, без всякого конфликта. Этого я боялась, пыталась [сделать так], чтобы дети могли словами все выразить, языком — не агрессивно, не настойчиво, а чтобы донести до собеседника все, что ты хочешь. Второе, конечно, это человеческое достоинство: чтобы никогда в жизни ни на твое достоинство никто не покушался, и ты никогда не смей. У человека есть что-то, что он не должен потерять никогда, а сейчас в тюрьме это очень проблематично. Это моя боль сейчас.

Политические вопросы, наверное, в каждой семье вскользь проходят, но я всегда хотела, чтобы все изменения происходили путем словесного понимания друг друга. Я против агрессии, для меня проявления агрессии — это очень страшно. Даже вот сейчас что ему вменяют, распыление перцового баллончика, это агрессия непрямая, он человека не ударил, но все равно — это воздействие на здоровье.

«Я говорил ему, что его мнение вряд ли кого-то интересует. То, что он делал, я не одобряю», — признается Роман Подкопаев.

Пользуясь случаем этого интервью, хочу сказать, сейчас, когда наш ребенок находится в ИВС, в СИЗО, в спецприемнике — я хочу передать большое спасибо людям, которые нас обслуживают. Это работники полиции, может быть, бойцы Росгвардии — я вот, например, встречаюсь только с очень хорошими людьми. Я не знаю, что в СИЗО за пределами, но когда я приносила вещи, время было уже пять часов, дверь открылась, и я проскочила, и дверь за мной захлопнулась — то есть, я получается села в тюрьму с вещами мужскими (смеется). Мне сказали: «А что вы вообще тут делаете? Вы понимаете, куда попали? А если мы вас не выпустим?». Все люди, с которыми я сталкивалась — прекрасные все люди, всем больше спасибо за помощь и за понимание. Про акции протеста с Иваном вообще не поднимался вопрос.

Все должно решаться каким-то умным решением. [Чтобы добиться перемен в стране,] нужно стать каким-то очень важным человеком на своей работе, очень умным. И когда все единомышленники становятся очень важными людьми на своей работе, и от них много что зависит — просто не прийти на работу и объяснить причины. Вот это совершенно омерзительное распыление баллончика — это как-то низко.

Но мне объясняют, что была там ситуация: по крайней мере, за что я держусь сейчас своим сердцем — за то, что росгвардейцы давили железными ограждениями толпу, и в этот момент произошло распыление. Для меня это как-то оправдывает действия моего сына: была давка и люди падали, по ним начали бы ходить, и были бы травмы; он пытался остановить это, чтобы

было время какое-то, чтобы люди встали и покинули это место. За это я держусь сердцем, хоть так его оправдать. А так я категорически против любой агрессии.

Без улучшений жизнь невозможна. Например, я категорически против зарплат топ-менеджеров госкорпораций, которые могут получать несколько миллионов в день, а человек, который качает нефть и рискует своим здоровьем и жизнью, получает 60 тысяч, чтобы как-то не умереть с голоду. Считаю, что глубинка наша должна жить достойно, и национальные богатства должны распределяться честно.

Роман Подкопаев считает, что в ближайшие годы в стране ничего не изменится — до тех пор, пока о своем недовольстве не заявят миллионы, но потом он оговаривается: «То, что сейчас делает власть, вызывает возмущение даже у тех, кто был далек от всего, что происходило. С тех пор как [сын] попал в заключение, я стал менять свою точку зрения. Бороться за свои взгляды надо».

Елена Барабанова, мать Владислава Барабанова

22-летний левый активист из Нижнего Новгорода был задержан вечером 3 августа на выходе из московского спецприемника, где отбыл семь суток ареста за участие в акции 27 июля. Обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК). Защита настаивает, что в деле нет данных о каких-либо

противоправных действиях Барабанова; сам он связывает уголовное преследование со своей активностью в Нижнем Новгороде. Вину не признает.

Елена Барабанова. Фото: Михаил Солунин / Медиазона

Я Влада воспитывала одна. Я закончила политехнический институт и много где работала, работала инженером-конструктором и технологом, потом в ремонтно-строительной организации занималась сигнализацией охранно-пожарной, но сейчас практически безработная — у нас с работой очень тяжело.

Вообще, он был очень серьезный, самостоятельный человек. Считаю, что он себя сам воспитал. Мне говорить спасибо не за что, Влад всегда занимался саморазвитием, и то, что он такой, это его заслуга. То, что он честный, он справедливый, он веган. Это вот его личные соображения и решения. Спортом занимался, рукопашным боем, в спортивные клубы ходил, участвовал во всех мероприятиях, олимпиадах гуманитарного направления: история, обществознание. Он выступал против насилия в любом его проявлении — он и начал с себя и стал веганом, потому что был против насилия. А теперь человек за свои убеждения находится в СИЗО.

Я считала нужным уберечь его от улицы — от той улицы, где сидят подростки, грубо говоря, бесхозные. От этого я всегда его пыталась уберечь, точнее

переживала, чтобы не было никакого физического контакта и воздействия с их стороны. А в том, что он [не] будет таким — я в этом никогда не сомневалась, что он совершенно другой человек.

Вот митинг был согласованный, и мы поехали в Москву. Я посчитала необходимым поехать туда — единственное, что я его попросила, помочь найти билет. Когда поехал Влад с друзьями 27-го числа, он самостоятельно мне сказал, что едет в Москву; все, хорошо.

Понятно, что дело завели за его деятельность — небольшую — в Нижнем Новгороде. Наверное кому-то она не нравилось. Наверное, проще было бы, если бы люди сидели тихо и не выходили, пили спиртные напитки и все. А думающая молодежь — кому она нужна? Нам, обществу. Не совпадает мнение с политическим курсом — получается, надо завести уголовное дело.

Такое чувство, что это происходит не с тобой — что мы где-то в реальности другой, кто-то написал этот злой сценарий, но никак не должны были наши дети в нем участвовать. Мой сын — совершенно другой человек, и он не должен быть в тюрьме за свои взгляды и свои принципы.

Молодежь, вот в случае Влада, а я с ним часто разговаривала… Был уверен человек, что все может измениться к лучшему. Мне уже достаточно много лет, и я не верю. А он говорил, что возможно. Мы ничего хорошего в общем-то не видели. Хотелось бы пожелать, чтобы дети жили по-другому, не как мы.

Галия Губайдулина, мать Айдара Губайдулина

25-летний программист IT-компании «Сбербанк-технологии» обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК); подробностей СК не приводит, а адвокат упоминает раскадровку видео плохого качества, на котором человек, которого следствие считает Губайдулиным, замахивается на силовика пластиковой бутылкой. Вину не признает.

Галия Губайдулина. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

Я закончила авиационный техникум, и вот уже почти 40 лет стажа работаю на Уфимском моторостроительном заводе инженером-технологом. Папа [Айдара] закончил строительный техникум и работает прорабом на стройке. Встретились мы случайно, познакомились у моей сестры на свадьбе, и через три месяца сыграли свадьбу. Айдару сейчас 25 лет, 10 сентября ему будет 26. Он очень хорошо учился, всегда интересовался физикой, математикой, информатикой. Учился в школе с углубленным изучением английского языка, довольно сносно говорит по-английски. После 9-го класса поступил в физико-математический лицей, там учился, а после этого — на физтех.

Они с братом двойняшки, родились в один день, и как у всех двойняшек, они слабые здоровьем родились.

У Айдара было очень слабое здоровье, но вот за счет спорта, я думаю, он сам себя вытащил. Даже врачи, когда он родился, сказали: «Этот мальчик будет бороться, он очень хочет жить». У него был астматический бронхит, и он занялся тхэквондо в классе втором или третьем, и за счет этого спорта как-то переборол болезнь.

Он очень любознательный был, и Солженицына он в школе прочитал почти все, и Джека Лондона читал. До сих пор, вот сколько я к нему в Москву ездила, он читает постоянно — в метро, дома книжка у него или читалка в руках. У него даже список тех, кого он должен прочитать — 200 книг.

Когда он спортом занимался, я всегда ему говорила: Айдар, занимайся только для себя, не надо эти соревнования. Зачем вывихи, то скулы, то ноги? Ты же не профессиональный спортсмен, чтобы побеждать там, выигрывать — просто для своего здоровья. А так он очень мирный человек, он очень добрый — каких-то драк у нас во дворе никогда не было.

Про политику он все время говорил: «Мам, почему такая несправедливость, одни могут все, избираться и свои кандидатуры выставлять, а почему нельзя другим? Почему, если человек хочет избираться, его даже не допускают?». Я говорю, там же нашли ошибки в документах, несуществующие люди. Он говорил: «Мам, ну ты веришь этому?».

Я политикой не интересовалась никогда; конечно, предостерегала, что митинги, большое количество людей, опасно. Я его уговаривала, не ходи, не надо. А

он не говорил. 27-го я вообще не знала, что там митинг должен быть.

Мне уже не сорок лет, я уже много в этой стране живу. В ближайшее время я не жду никаких перемен, если честно. К сожалению, я думаю, эти митинги не помогут. Мне кажется, очень много равнодушных людей стало — не знаю, или власть нас такими сделала, или борьба за выживание. Мое окружение — люди просто выживают, им не до митингов. Они ругают власть, они недовольны, но что-то предпринимать — не хотят люди этого. Наверно думают, что за них кто-то это сделает или власть что-то сделает.

Я, конечно, против всяких митингов, революций и кровопролития, я не знаю, какими методами можно что-то изменить.

Татьяна и Владимир Фомины, родители Сергея Фомина

36-летний бизнесмен, волонтер штаба Любови Соболь. Объявлен в розыск после выпуска «Вестей», в котором утверждалось, что на акции 27 июля он «заводил толпу, перекрывал улицу и прикрывался грудным ребенком, чтобы пройти через оцепление». Обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК); в ночь на 8 августа пришел в полицию сам. Вину не признает. Татьяна и Сергей Фомины говорят наперебой, то и дело дополняя друг друга; для удобства чтения их реплики объединены в один монолог.

Татьяна и Владимир Фомины. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

Мы познакомились в 1979 году. В 1983 Сергей родился, через год и семь месяцев у нас родилась дочка, второй ребенок. Вова работал на [заводе] КамАЗ [в Набережных Челнах], и я тоже тогда; я секретарем, а он контролером. Дети росли, в школе учились, а потом мы получили квартиру, решили заняться бизнесом, [Владимир] стал индивидуальным предпринимателем. [Через] какое-то время переехали в Ульяновск.

Сережа закончил университет, потом поехал в Москву. В Москве он после университета разослал резюме, его взяли в *Bravo*, журнал [издательства] «Бауэр — Логос». Он там работал менеджером проекта, с ноля вел проект, а потом решил заняться бизнесом — открыл школу английского языка онлайн. У него она до сих пор существует, [хотя] сейчас конкуренция, большие компании [пришли на рынок]. Брал только самых лучших учителей, всегда проверка от и до была — не просто так, даже [если] носитель языка английского, они не просто говорили по-английски, он обязательно смотрел, чтобы профильное образование было. В общем, отбор был тщательный.

Он всегда великих людей смотрел — кто бизнесом занимается, кто *McDonalds* открыл, он изучал все, помню. Интернет, *Microsoft* — все эти люди. Он с детства читал биографии великих людей, Наполеон...

Про бизнес читал, историю любил, книжек у него всегда было полно.

Он, в принципе, любит учиться. Вот это вот всю жизнь — с самого раннего детства. Даже бизнес-школа, занялся программированием: он поступил в этом году в университет — свердловский или челябинский — онлайн, хотел второе высшее по *IT*. Он много сам достиг в том, что изучал, потом еще курсы проходил где-то, не помню, в «Яндексе», что ли.

У него с первого сентября должны были занятия начаться, он сдал экзамены онлайн и подтвердили, что поступил. Как он учиться будет, я не знаю. Нужен же компьютер обязательно.

Одно время он хотел приготовлением пищи заняться, изучал всякие рецепты, даже готовить начал — хотел открыть школу, бизнес такой по приготовлению еды, чтобы быстро, для людей доступно.

Мне кажется, рождается человек — он рождается или с плохими мыслями, или с хорошими. Мы его не учили: «Будь честным, будь порядочным». Мы так не говорили. А он оказался честный порядочный человек.

Вот пример. Поехали с другом в Питер, и случайно получилось, [что он] пересек двойную сплошную. Гаишники остановили, сказали, типа, ну что будем делать. Он говорит — ну что делать, оформляйте протокол. Его лишили прав, он год [был] без них, взятку не стал давать. У него принципиально: лучше протокол, по закону. У него по жизни такого, чтобы когда-то схитрить, не было. Школу

открывал английского, ему предлагали — давай сначала нелегально поработаешь — даже я так говорил. Заработай хотя бы чуть-чуть. А он — нет, я сразу пойду в налоговую, копейки считал, прибыли не было фактически. Я сказал — для начала раскрутись маленько, с чего платить налоги, он говорит — нет.

После Голунова, когда Голунов вот... Он вообще не интересовался раньше [политикой] — программирование, бизнес свой. Когда случилось, я помню, он пришел, возмущался. Я говорю: «Сереж, может, он виноват». Он говорит: «Нет, не виноват». Я: «Может быть, правда, может, проверят все». И после этого он: «Как так можно, человека невиновного посадить?». И после этого оказался действительно невиновный Голунов, и немного погодя он говорит: независимые выборы в Мосгордуму. Только после этого он начал говорить [с нами о политике]. Говорит — я буду помогать им подписи собирать. Я еще говорю: «Сереж, ты солидный парень, а там, наверное, молодежь ходит, студенты». Он: «Нет, кто, если не я».

Потом оказалось, что подписи признали фальшивыми — он так возмущался: «Лично мы собирали все подписи». Он даже рассказывал, например, что Павел Артемьев из группы «Корни» — он у него забирал подпись. Потом он пошел подтверждать, что на самом деле подписи ставили. Эти ребята говорят — мы сами написали Памфиловой, как там ее отчество — Элла Александровна — позвоните мне, я, такой-то такой-то, говорит, сами лично [проверьте]. В общем, Сергей все подтверждения собирал — и 31-го [июля] начались обыски. Ночью у нас, у него — утром. И увезли его в Следственный комитет. После этого его отпустили, сказали — иди, ты свидетель.

Единственное — забрали у него ноутбук, телефон, банковские карты изъяли.

Когда с квартиры его увозили, его схватили несколько человек — с одной стороны, с другой, так потащили в автобус. Мимо какой-то сосед, что ли, проходил, он крикнул, чтобы [тот] родителям позвонил хотя бы, что его в СК везут. Через некоторое время позвонил мужчина по домофону, сказал, вашего сына увезли в Следственный комитет.

Смешно, он даже со Следственного комитета без копейки денег в кармане [вышел]. Он выходил со Следственного комитета, занял 50 рублей у Кирилла Жукова. Пришел в метро — билет 55 стоит. Иностранец ему тогда дал, какой-то мужчина доплатил.

Вечером зашел, говорит — я уезжаю, отдохну, потому что такой стресс, ничего не сказал, куда поехал. И уже первого числа [августа] нас тут караулили. У нас обыск культурно прошел, ничего не переворачивали. А у него — я подошла к подъезду, смотрю — автозаки уехали. Я когда зашла в квартиру, там вот так все — вверх дном. Мы пошли [к нему в квартиру], хотели прибраться. Они стояли на нашей площадке лифта, начали агрессировать на нас: «Где ваш сын?». Мы говорим — не знаем. «Он у вас дома?». Мы говорим: «Пожалуйста, проходите, посмотрите». Они: «Без постановления не можем».

Остались полицейские в форме у Сережи на этаже и у нас на этаже, три дня дежурили. В гражданском много людей ходило, и машины у подъезда стояли. [Потом] говорят: «Покажите квартиру». На камеру снимали:

«Можно к вам зайти?». Смотрели везде, нет Сережи — ну что, мы его под столом прятать будем?

Чемпионат [мира по футболу] как хорошо провели, и Сергей прямо вообще: «Круто, у нас такая крутая страна». Ну все, наверное, были на подъеме. И тут он: «Выборы, за честные выборы» — я говорю, Сереж, ну ты неужели веришь, что что-то изменится? Как я спросила: «Не боишься разочароваться?». Он говорит: «Нет, все равно все должно быть по закону, суды честные, закон должен один для всех быть».

Даже сейчас уже апелляцию подавали… В суды подавали поручительства — они даже не смотрят, у них уже готово решение. Как у нас хорошо адвокат Веселов выступил, как он правильно сказал, Сергея нельзя здесь держать, потому что он ни в чем [не виновен], сам пришел. Мотивируют, что может общаться [с другими фигурантами дела], а сам сидел в камере с Барабановым и еще с кем-то. Прокурор встал, два слова сказал, ему даже уже лень было говорить, а следователь даже не явился. Судья отошла, несколько минут — и объявила.

Вячеслав Абаничев, отец Сергея Абаничева

25-летний менеджер обвиняется в участии в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 УК). Ему вменяют «бросок банкой в полицейского», хотя адвокат подчеркивает, что у Абаничева в руках был только пустой бумажный стакан из-под кока-колы. Вину не признает.

Вячеслав Абаничев. Фото: Антон Карлинер / Медиазона

Я пенсионер, я нигде не работаю; до этого был на службе в техническом подразделении ГАИ. Сейчас лето, занимаюсь в основном на приусадебном участке.

У нас многодетная семья, у Сергея есть старший брат и младшая сестра, школьница еще.

Они с братом были дома; было раннее утро 3 августа. Мы [с женой] были на даче, и нам ребята позвонили и сказали, что кто-то ломится в дверь настойчиво. Через дверь не представлялись, только барабанили и звонили. Я ребятам сказал не открывать — скорее всего, это полиция ходит и запугивает или предупреждает перед очередным митингом. Мы все надеялись, что сейчас уйдут и все, но как-то затухало и возобновлялись вновь эти стуки, и мы приняли решение ехать [в Москву]. Связь с ними держали, и потом они сказали, что начинают взламывать дверь. Мы буквально не успели минут на 10-15, и они уже начали ломать. Я поднялся и застал здесь человек 12 в форме, в гражданском, в балаклавах без опознавательных знаков — вообще какие-то гражданские, которые убежали сразу.

Когда вошли, они сразу поставили братьев, моих сыновей, к стене, обыскали и надели на них наручники. Я сразу возмутился: зачем вы применяете спецсредства, они не оказывают сопротивление,

ничего — мне сразу это было очень неприятно видеть. Они объяснили, мол, вот, они не открывали дверь.

Стало ясно, что в отношении Сергея эти действия проводятся: с Паши сняли наручники, а Сергея посадили за стол в наручниках. Хотели приступать к обыску, а Сергею стало плохо, он побледнел, задрожал, и жена, естественно, потребовала: дайте я ему померяю давление. У нас тонометр есть, и мерила она ему давление «руки за спину», таким образом. Я требовал, снимите наручники, но были какие-то отговорки: ключа нет, ключ не подходит — какие-то детские отговорки. И когда увидели на тонометре повышенное давление, только тогда нашелся ключ, и наручники сняли.

Потом был обыск. Ничего такого, я так понял, интересного они не нашли. Забрали телефон, планшет. Компьютеры посмотрел специалист: соцсети, браузер — мы все добровольно включили. Ничто не заинтересовало, и они не стали изымать ни флешки, ни носители. Изъяли одежду, футболку, шорты, в которых он был на мероприятии. Брошюру у него нашли типографскую — Илья Яшин. Процессуально все было довольно корректно, все под роспись, все в пакеты упаковали.

У нас не было методики. У нас был естественный процесс воспитания. Жена, конечно, постоянно его спрашивала, говорила: будь осторожен, по-матерински предупреждала. Но так, чтобы наставлять — такого не было.

По телевизору он любил смотреть научно-познавательные программы, больше всего

любил *Discovery*. Придешь, включаешь телевизор, там обычно сохраняется последний канал, что он смотрел: там обычно *2×2*, *Discovery*, что-то про животных.

Лично я с раннего детства чувствовал и понимал, что сыну можно доверять. Он сам понимал, что такое хорошо и плохо.

После акции у нас был разговор. Сережа сказал, что он был на этом мероприятии. На шествии, митинга-то как такового не было. Мы знали, что он там был, спросили, все ли в порядке, он сказал: да, успел и свои дела поделать до мероприятия, и после мероприятия куда-то поехал, все по плану было. Потом, когда начали ломиться в дверь, мы стали [спрашивать]: «Сереж, может что-то было? Паш, может быть, к тебе?». Нет, полное недоумение, в чем дело.

Мы его, кстати, отговаривали ходить на такие мероприятия: у него черепно-мозговая травма была еще два года назад, он упал с высоты серьезно, в реанимации был, руки у него там на железках, обе сломаны. Бытовая травма — это он где-то лез, упал с кондиционера. Поэтому мы как родители ему говорили, лучше бы ты не ходил, это опасно, тебя там побьют или заломают. Не то что мы из каких-то политических соображений, а именно в целях безопасности, как родители. Но это его дело, конечно, мы не можем запретить.

Те события, которые сейчас происходят — не могу сказать, что это перелом, но начало каких-то изменений. Видя, как власть реагирует на все это, у меня впечатление, что быстро это все не будет — власть ни за что не уступит свои

позиции, никакие там свободные выборы, никакие протесты не помогут смене власти. Революция вряд ли будет: я считаю, что настолько силен государственный аппарат принуждения, если только одной Росгвардии больше, чем сухопутных войск, понятно, что все это направлено на подавление протестов. В ближайшей перспективе не вижу каких-то кардинальных изменений или выхода, что можно было бы сделать.

На молодежь, конечно, есть надежда, потому что они более независимые, а старшее поколение — они же более зависимые, либо от должности, либо бизнес привязан.

Массового протеста сто процентов не будет, страх и зависимость у нас настолько развиты. Единственное, что остается — это умное голосование, а не протесты — хотя видно, что власть их боится, народ не дозрел до массовых протестов.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Пожарная охрана подчинялась МВД до 2002 года, когда она была передана в ведение МЧС.
2. Позже Роман Подкопаев уточнил, что он инженер по обслуживанию охлаждающего оборудования в серверных центрах «Мегафона».